

Воронежский государственный педагогический университет
ул. Ленина, 86, Воронеж, 394043, Россия
E-mail: kolyuhavrn06@mail.ru

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР В ТЫЛОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ РУССКОЙ АРМИИ В ВОЙНЕ С ЯПОНИЕЙ 1904–1905 ГОДОВ

В статье речь идет о роли человеческого фактора в недостатках тылового обеспечения русской армии в период русско-японской войны 1904–1905 гг. Особенное внимание уделяется его проявлениям и последствиям. Кроме того, изучаются противоправные деяния служащих тыла, выделяются их причины.

Ключевые слова: русская армия, тыловое обеспечение, интендантское управление, тыл, интендант, снабжение, служба.

Одной из основных причин поражения русской армии в русско-японской войне по праву можно считать несовершенство ее тылового обеспечения. По окончании русско-японской войны российская пресса обрушилась с многочисленными обвинениями по этому вопросу. Особенно много их отмечалось в отношении интендантского управления, чьи служащие и без того имели далеко не блестящую репутацию. Служба в органах снабжения сама по себе была не престижной, и способные люди шли на нее лишь в исключительных случаях. Более того, военную форму интендантов повсеместно называли «воровской» [Редигер, 1999. С. 255].

Боевые действия на Дальнем Востоке привлекли множество «темных» личностей, желавших разбогатеть за счет войны. Некоторым из них удавалось проникать в структуру тылового обеспечения и занимать там «прибыльные» должности. Те, у кого не получилось обосноваться в службе тыла, становились торговыми представителями. Вступая в сговор с представителями армии, они за комиссионные вознаграждения совершали невыгодные для государства сделки.

Хищения, присвоение казенных денег, растраты, халатное отношение к исполнению должностных обязанностей стали ос-

новными, наиболее частыми видами преступлений в тыловом обеспечении русской армии. Показательна в этом плане была деятельность генералов К. П. Губера, И. П. Надарова, П. А. Парчевского и Федорова. Существенную роль в их разоблачении сыграла пресса в частности, военный корреспондент Ф. П. Купчинский. Опубликовав в газетах несколько статей, он смог уведомить российскую общественность о неоправданно высоких расходах на тыловое обеспечение армии, сознательно завышенных закупочных ценах и поступлении в войска довольствия низкого качества. Больше всего нареканий звучало в адрес помощника начальника Главного интендантского управления К. П. Губера. Во время русско-японской войны он занимал пост главного полевого интенданта, связывавший между собой тыл и войска. Его репутация особенно пострадала после расследования закупки консервов, которая обошлась казне на 55 233 руб. дороже их реальной стоимости [Купчинский, 1908. С. 121]. Данная переплата возникла в результате того, что консервы приобретались через посредника, а не напрямую от поставщика, предлагавшего незадолго до этого свой товар полковому интендантскому управлению. К. П. Губеру пришлось признать себя виновным в растрате и объяснять свои действия тем, что он

не был осведомлен подчиненными по данному вопросу. В качестве оправдания обвинений в нерациональных расходах генерал издал брошюру «Расходы на продовольствие маньчжурских армий в 1904–1905 гг.». В ней автор уверял читателей в том, что закупка провианта и фуража для войск в Маньчжурии обошлась бы казне дороже на 7,769 млн руб., если бы они закупались в Европейской части страны [Военная энциклопедия. 1912. Т. 8. С. 522].

Помимо Губера в незаконном расходовании государственных средств обвинялся и Степной генерал-губернатор И. П. Надаров, возглавлявший во время войны военно-окружное управление, переименованное впоследствии в управление тыла Маньчжурской армии. Его деятельность получила резонанс после публикации в газете «Товарищ» заметки о полумиллионной недостаче казенных денег, выделенных на закупку пшеницы. Сообщник Надарова – генерал-майор П. А. Парчевский, благодаря публикациям в газетах, снискал еще большую «славу». Получив весной 1905 г. назначение на должность интенданта тыла, он совершал невыгодные для государства сделки, в результате которых казна терпела огромные убытки. В первую очередь, к ним относились операции по оплате проведения прививок скота, стоивших армии на 75 тыс. руб. дороже реальной стоимости, а также контракт на поставку пшеницы и овса, по которому переплата равнялась 100 тыс. руб. [Купчинский, 1908. С. 15–16]. Несмотря на это, он спокойно прослужил на войне до самого ее окончания, получив даже назначение на пост интенданта Иркутского военного округа. В 1906 г. Парчевского вызвали в следственный комитет, занимавшийся расследованием таинственного исчезновения в тылу поезда с госпитальным имуществом. Следствием было установлено, что за время русско-японской войны на Транссибирской магистрали исчезли 6 тыс. вагонов с грузом [Ростунов, 1977. С. 294]. В 1906–1907 гг. действительным статским советником Калтановским и генералом Губером были предприняты попытки их разыскать. Пять тысяч вагонов впоследствии нашли уже без грузов, остальные, поиском которых занимался Губер, найти не удалось.

Большой общественный резонанс вызвала публикация Купчинского о деятельности полевого интенданта 3-й маньчжурской ар-

мии генерала Федорова, связанной с заболеванием солдат Мокшанского и Зарайского полков кишечными заболеваниями. Причиной эпидемии стал испорченный хлеб, поставляемый по его приказу в части. Однако вместо привлечения его к суду, командование ограничилось выговором.

Распространенность такого рода преступлений в какой-то мере объяснялась материальным положением служащих низшего звена (не имевших класса). Их довольствие не превышало 30 руб. в месяц [Малинко, Голосов, 1902. С. 90–91]. Такой суммы было явно недостаточно для содержания семьи, в большинстве случаев многодетной. Доказательством здесь может служить случай, произошедший в июле 1905 г. на складе Московского офицерского экономического общества. Его заведующий, старший унтер-офицер 5-го Восточно-Сибирского запасного батальона Рыбин выдал постороннему лицу 5 ящиков какао, от продажи которых он намеривался получить 110 руб. Эти деньги он предполагал отправить в Россию семье, едва сводившей концы с концами¹.

Потребность служащих тыла в денежных средствах вызывал ни кем не контролируемый рост цен, особенно это касалось сферы услуг. Любящие комфорт и не привыкшие ни в чем себе не отказывать дома, чиновники и офицеры не оставляли такой образ жизни и в Маньчжурии, что требовало значительных расходов. Например, минимальная стоимость обеда в одном из ресторанов города Харбина составляла 237 руб., а проживание в гостинице достигало 5 тыс. руб. в месяц [Купчинский, 1908. С. 100].

Методы расхищения государственных средств ярко прослеживаются на примере деятельности начальника транспортного управления маньчжурской армии полковника Н. А. Ухач-Огорович. Занимая столь важную должность, он мог получать на казенные нужды огромные суммы: от полумиллиона до четырех миллионов рублей [Там же. С. 60]. Взяв себе в подручные Я. Персица (возглавлял агентурную разведку. – Н. Т.), М. Иоселиани (впоследствии – начальника транспортного караула), имевших судимость, и ветеринара при Маньчжурской армии Г. П. Веревкина, полковник присваивал огромные суммы, отпускаемые

¹ РГВИА. Ф. 15122. Оп. 1. Д. 106. Л. 3.

на закупку продовольствия и транспорта. «Схема» была такой: Персиц находил нечистых на руку поставщиков армии, Йоселиани занимался инсценировкой ограблений обозов, а Веревкин давал письменные разрешения на поставку в войска негодных к службе лошадей. Ухач-Огорович не смог объяснить сенатской ревизии отсутствие финансовой отчетности на 7 млн руб., что стало причиной возбуждения в отношении него уголовного дела. Государственному обвинению удалось доказать, что Ухач-Огорович нерационально расходовал и присваивал казенные средства, подтвердить хищение им всей суммы не удалось. На основе имевшихся улики было установлено, что его совокупный доход за время войны составил 1,125 млн руб. За счет этих средств ему удалось избавиться от долгов, издать несколько книг по военной истории и заняться патриотическим воспитанием будущих офицеров.

Расхищению государственных средств способствовала распространенная практика «круговой поруки»: принимая благодарности и вознаграждения от своих начальников, чиновники и офицеры предпочитали покрывать их преступления. В свою очередь начальники принимали участие в дележе прибыли от проведенных махинаций. Наиболее уместно здесь привести пример взаимоотношений начальника тыла Маньчжурской армии генерала П. А. Парчевского с его ближайшими помощниками Капелем, Серебренниковым и Скопиченко, занимавшими в управлении различные руководящие должности. На них сыпались поощрения в виде орденов, денежных наград, пособий на лечение и на воспитание детей и выгодных командировок. Имея таких верных соратников, Парчевский мог с легкостью проводить различные коррупционные операции.

Злоупотреблениям способствовала зависимость многих деятелей тылового снабжения от карточных игр, принявших невиданные до этого масштабы [Козлов, 1909. С. 15–16]. Крупнейшими игроками во время войны, делавшими ставки по 20–30 тыс. руб., слыли смотритель одного из продовольственных магазинов Алтунов и заведующий продовольственными пунктами в управлении начальника этапов Языков. Большую огласку получили пристрастия начальника артиллерийского парка (обеспечивал войска вооружением одной из боевых частей

штабс-капитана Казимирского в связи с проигрышем им за один день 63 тыс. руб., из которых 13 тыс. являлись казенными) [Купчинский, 1908. С. 40]. Арестованный и осужденный Харбинским судом, Казимирский был впоследствии уволен со службы и лишен воинского звания. Осознавая опасность сложившегося положения, начальник тыла Парчевский в начале 1905 г. приказал своим подчиненным не делать больше крупных ставок [Там же. С. 15].

Наряду с игровой, процветала и алкогольная зависимость. В тылу, да и на передовой, находилось множество людей, страдающих этим недугом. Алкоголь или его отсутствие заставлял чиновников и офицеров тыла идти на различные преступления. Примером здесь может служить дело рядового 5-го Иркутского резервного батальона Г. Мезинина, обвиненного в небрежном хранении патронов. Трижды он привлекался к дисциплинарным взысканиям за утерю боекомплекта, и каждый раз после очередной пропажи его обнаруживали в состоянии алкогольного опьянения². Мезинин неоднократно получал за пьянство замечания и даже заключался под стражу, а зимой 1905 г. был арестован и осужден к 8 месяцам содержания в арестантском отделении за пропажу 85 патронов³.

Следует заметить, что не только преступная деятельность служащих тыла вредила тыловому обеспечению армии. Существенно осложняли работу органов снабжения отсутствие профессионализма и низкая квалификация их сотрудников. Характерен такой пример: при отходе воинских частей русской армии, в тылу, как правило, ликвидировали всю инфраструктуру. Во время одного из таких отступлений интенданты настолько увлеклись выполнением приказа, что разрушали склады, принадлежащие подразделению, которое уверенно держало оборону на фланге. Кроме того, имели место случаи преждевременного уничтожения запасов продовольствия, и даже тогда, когда вблизи находились воинские части, которым отказывалось в выдаче продовольствия⁴.

В случаях, когда уничтожение объектов тыловой инфраструктуры при отступлении

² РГВИА. Ф. 15122. Оп. 1. Д. 73. Л. 34.

³ Там же. Л. 53.

⁴ Там же. Ф. 13061. Оп. 1. Д. 63. Л. 129.

не представлялось возможным, они поджигались или подвергались разграблению самими солдатами⁵. Кроме того, запасы иногда доставались противнику. Так, например, при отступлении 29 мая 1904 г. был оставлен город-порт Дальний вместе со всем находившимся в нем имуществом. Помимо железнодорожной станции и доков, японцам достались мол, электрическая станция, различные военные сооружения с припасами и 386 вагонов [Купчинский, 1907. С. 226]. Это произошло вследствие того, что начальник Квантунского укрепленного района А. М. Стессель не отдал никаких распоряжений по вывозу или уничтожению этих ресурсов.

Тыловое обеспечение русской армии во время русско-японской войны 1904–1905 гг. изобилует фактами некомпетентности его руководителей и даже отсутствием каких-либо знаний в этой области. Порой такая неосведомленность стоила человеческих жизней или причиняла государству огромные убытки. Подобное часто наблюдалось при разгрузках и складировании грузов для русской армии. Ответственные за снабжение склонны были верить бумагам, нежели полагаться на собственный разум. Примером может служить случай с капитаном А. Гороховым. Получив указание в первую

очередь разгружать продукты, дата изготовления которых имеет наиболее поздний срок, он отдал распоряжение первыми освободить вагоны с сухарями, а не с консервами, прибывшими, вдобавок на неделю раньше⁶. Поскольку на дворе стояло лето, консервы быстро испортились.

Все рассмотренные злоупотребления, несомненно, способствовали снижению боевого потенциала русской армии. Кроме того они содействовали ухудшению морально-психологической атмосферы в стране, дискредитации существовавшего политического режима.

Список литературы

- Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. 8.
Козлов В. С. Борьба с злоупотреблениями в интендантстве. СПб., 1909.
Купчинский Ф. П. Порт-Артурские герои. М., 1907.
Купчинский Ф. П. Герои тыла. СПб., 1908.
Малинко В., Голосов В. Справочная книжка для офицеров. М., 1902. Ч. 1.
Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999. Т. 2.
Ростунов И. И. Русско-японская война. М., 1977.

⁵ РГВИА. Ф. 13061. Оп. 1. Д. 63. Л. 129.

⁶ Там же. Л. 133.

Материал поступил в редколлегию 25.04.2011

N. V. Tonkiy

THE HUMAN FACTOR IN REAR MAINTENANCE OF RUSSIAN ARMY IN WAR WITH JAPAN 1904–1905

In given article it is a question of a role of the human factor in lacks of rear maintenance of Russian army in Russian-Japanese war of 1904–1905. The especial attention is given to its displays and consequences. Besides, illegal acts of employees of back are studied, their reasons are allocated.

Keywords: Russian army, rear maintenance, quartermaster management, back, the quartermaster, supply, service.